

Три брата

Давным-давно жил да был человек, у которого было три сына, а всего достатка было немного: только тот дом, в котором он сам жил. Каждый из сыновей желал бы тот дом получить в наследство после его смерти, но отцу они были все одинаково милы; вот и не знал он, как ему быть, чтобы никого не обидеть.

Продать бы дом да вырученные деньги между ними поделить, так продавать-то ему не хотелось, потому что дом был им унаследован от его прадедов...

Наконец пришла ему в голову хорошая мысль, и он сказал своим детям: «Ступайте-ка вы в люди да поиспытайте себя, и каждый пусть изберет себе какое-нибудь ремесло для изучения; по возвращении вашем домой тот из вас, который выкажет себя искуснее других в своем деле, получит от меня дом в наследство».

Сыновья были довольны решением отца и избрали себе ремесла по вкусу: старший задумал быть кузнецом, второй — парикмахером, а третий — учителем фехтования.

Затем они назначили время, в которое они должны были снова сойтись в доме отца, и разошлись в разные стороны.

Случилось так, что каждый из них в своем деле нашел себе отличного учителя, у которого мог надлежащим образом выучиться своему мастерству.

Кузнецу поручено было подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, теперь, кажется, без ошибки можно сказать, что дом именно мне достанется».

Парикмахеру пришлось брить только знатных господ, и он тоже подумал, что дом никому другому, кроме него, не достанется.

Фехтовальщику пришлось получить не один удар, и он все же скрепя сердце думал про себя: «Нечего этих ударов пугаться, а то, пожалуй, дом-то и выскользнет у меня из рук!»

Когда же наконец миновало условленное время, все они сошлись в доме отца; но они не знали, как бы им найти случай высказать перед отцом свое искусство, а потому и стали между собою совещаться.

Во время их совещания видят — бежит к ним с поля заяц. «Э-э! — сказал парикмахер. — Вот очень кстати явился! Точно званный!»

Тотчас взял он тазик и мыло, взбил пену, а когда заяц подбежал поближе, он на бегу намылил ему мордочку и на бегу же выбрил ему бородку и при этом не порезал его и ни одного волоска не повредил.

«Недурно, — сказал отец, — и если только остальные двое не слишком превзойдут тебя в своем мастерстве, то дом останется за тобою».

Вскоре после того видят, что мчится какой-то господин во всю прыть в своей карете. «Вот извольте-ка взглянуть, батюшка, на мое уменье!» — сказал кузнец, побежал вслед за каретой, сорвал у одной лошади на скаку все четыре подковы и подковал ее четырьмя новыми. «Ты — просто молодчина! — сказал ему отец. — Со своим делом ты справляешься так же хорошо, как твой брат... Право, я даже не знаю, кому из вас двоих я должен отдать свой дом...»

Тогда сказал третий сын: «Батюшка, дозвоьте и мне показать свое мастерство!»

Как раз в это время стал накрапывать дождь, и фехтовальщик, вынув свою шпагу, стал ею быстро вращать над головою, так что ни одна капля на него не упала...

Дождь пошел сильнее и наконец обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик все быстрее и быстрее вращал шпагою над головою и остался сухохонек, словно под крышей стоял.

Когда отец это увидел, он изумился и сказал: «Ты превзошел своих братьев в твоём мастерстве — дом принадлежит тебе!»

Оба остальные брата по предварительному уговору остались вполне довольны таким решением отца, и так как они друг друга очень любили, то стали жить вместе в отцовском доме и продолжали заниматься каждый своим ремеслом; а при своих знаниях и умениях они зарабатывали много денег.

Так дожили они в полном довольстве до старости, и когда один из них заболел и умер, двое других так о нём горевали, что вскоре тоже заболели и умерли.

По их взаимной любви и тесной дружбе их и похоронили в одной общей могиле.

Братья Гримм